

Тоска — эпизод 1 из 2

Кому повем печаль мою?..

Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег... Его лошаденка тоже бела и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью форм и палкообразной прямизною ног она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку. Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Кого оторвали от плуга, от привычных серых картин и бросили сюда в этот омут, полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих людей, тому нельзя не думать...

Иона и его лошаденка не двигаются с места уже давно. Выехали они со двора еще до обеда, а почина всё нет и нет. Но вот на город спускается вечерняя мгла. Бледность фонарных огней уступает свое место живой краске, и уличная суматоха становится шумнее.

Извозчик, на Выборгскую! слышит Иона. Извозчик!

Иона вздрагивает и сквозь ресницы, облепленные снегом, видит военного в шинели с капюшоном.

На Выборгскую! повторяет военный. Да ты спишь, что ли? На Выборгскую! В знак согласия Иона дергает вожжи, отчего со спины лошади и с его плеч сыплются пласты снега... Военный садится в сани. Извозчик чмокает губами, вытягивает по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычке, чем по нужде, машет кнутом. Лошаденка тоже вытягивает шею, кривит свои палкообразные ноги и нерешительно двигается с места...

Куда прешь, леший! на первых же порах слышит Иона возгласы из темной, движущейся взад и вперед массы. Куда черти несут? Прправа держи!

Ты ездить не умеешь! Права держи! сердится военный.

Бранится кучер с кареты, злобно глядит и стряхивает с рукава снег прохожий, перебежавший дорогу и налетевший плечом на морду лошаденки. Иона ерзает на козлах, как на иголках, тыкает в стороны локтями и водит глазами, как угорелый, словно не понимает, где он и зачем он здесь.

Какие все подлецы! острит военный. Так и нороят столкнуться с тобой или под лошадь попасть. Это они сговорились.

Иона оглядывается на седока и шевелит губами... Хочет он, по-видимому,

что-то сказать, но из горла не выходит ничего, кроме сипенья.

Что? спрашивает военный.

Иона кривит улыбкой рот, напрягает свое горло и сипит:

А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер.

Гм!.. Отчего же он умер?

Иона оборачивается всем туловищем к седоку и говорит:

А кто ж его знает! Должно, от горячки... Три дня лежал в больнице и помер... Божья воля.

Сворачивай, дьявол! раздается в потемках. Повылазило, что ли, старый пес?

Гляди глазами!

Поезжай, поезжай... говорит седок. Этак мы и до завтра не доедем.

Подгони-ка!

Извозчик опять вытягивает шею, приподнимается и с тяжелой грацией взмахивает кнутом. Несколько раз потом оглядывается он на седока, но тот закрыл глаза и, по-видимому, не расположен слушать. Высадив его на Выборгской, он останавливается у трактира, сгибается на козлах и опять не шевельнется... Мокрый снег опять красит набело его и лошаденку. Проходит час, другой...

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходят трое молодых людей: двое из них высоки и тонки, третий мал и горбат.

Извозчик, к Полицейскому мосту! кричит дребезжащим голосом горбач.

Троих... двугривенный!

Иона дергает вожжами и чмокает. Двугривенный цена не сходная, но ему не до цены... Что рубль, что пятак для него теперь всё равно, были бы только седоки... Молодые люди, толкаясь и сквернословя, подходят к саням и все трое сразу лезут на сиденье. Начинается решение вопроса: кому двум сидеть, а кому третьему стоять? После долгой перебранки, капризничанья и попреков приходят к решению, что стоять должен горбач, как самый маленький.

Ну, погоняй! дребезжит горбач, устанавливаясь и дыша в затылок Ионы.

Лупи! Да и шапка же у тебя, братец! Хуже во всем Петербурге не найти...

Гы-ы... гы-ы... хохочет Иона. Какая есть...

Ну ты, какая есть, погоняй! Этак ты всю дорогу будешь ехать? Да? А по шее?..

Голова трещит... говорит один из длинных. Вчера у Дукмасовых мы вдвоем с Васькой четыре бутылки коньяку выпили.

Не понимаю, зачем врать! сердится другой длинный. Врет, как скотина.

Накажи меня бог, правда...

Это такая же правда, как то, что вошь кашляет.

Гы-ы! ухмыляется Иона.